

Т. Ф. ВАЩЕНКО

ОТРАЖЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ЧЕРТ В СТАРИННОМ ПИСЬМЕ ЮЖНОВЕЛИКОРУСОВ

Неоднократно высказывались сомнения в возможности изучения народно-разговорной и, тем более, диалектной речи по текстам старинной деловой письменности. Сомневались в этом не только потому, что в ней отражено регламентирующее влияние приказной традиции, но также и вследствие того, что конкретного представления о составе периферийных писцов исследователи не имели. Осуществленное в последнее время широкое обследование рукописей делового содержания XVI—XVII вв., написанных в южновеликорусской области, позволило установить, что писцы обширной южной террито-

*Работа не была завершена при жизни автора.

рии, за самыми редкими исключениями, были людьми местными¹. Особенно убедительны в этом отношении свидетельства отказных книг, характерных именно для Юга с его военнотрудовым землевладением, в которых наряду с яркими диалектными встречаем и прямые, формальные указания на местное происхождение писцов².

Отказные книги относятся к актовым материалам. Однако актовая суть отказов вовсе не означает, что они принадлежат только к одному приказному языку. Это объясняется тем, что исторически сложившийся на базе разговорного приказный язык во многом сохранял связи с ним, а также тем, что составление отказов как деловых документов было ориентировано на бесспорное понимание их людьми, которые этой документацией пользовались. Это владельцы поместий, в большинстве своем люди невысокого ранга, язык которых, естественно, был не приказным, а разговорным. Актовая специфика в основном определяет зачин и концовку отказных документов, что выражается главным образом в социально-правовой фразеологии и терминологии, а также в синтаксических построениях фразы, а средняя часть последних заключает вполне конкретное содержание (описание дворов, разнообразных угодий и их ориентиров и т.п.). Описывая разного рода угодья, их положение и границы, подробно перечисляя объекты отказа, писцы вносили в тексты и соответствующие местные названия. Поэтому отражение народно-разговорного языка в срединной части отказа можно считать вполне реальным.

Представим некоторые сведения о писцах, составлявших отказные документы, отметим в их письме наличие фонетических локальных примет южновеликорусского происхождения. Сведения извлечены из публикации "Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги"³, а также непосредственно из рукописей ЦГАДА⁴.

Писали отказные книги местные писцы. В отказах, где требовалось отметить, кем они были написаны, встречаем многочисленные указания на принадлежность их к уроженцам южновеликорусского края: *отказные книги писал Белагорода площадной дьячокъ Ивашка Богданов (27), книги разделной (так в ркп.!) писал брянской селской дьячокъ Степанка Ортемов снь (36), отказные книги писал брянчанин площадной дьячокъ Юрка Иевлевъ снь Дръжининъ (64), книги отказные писал воронежаец снь боярская Перша Иванав снь Анахинъ (72), отказные книги писал елецкой козак Гришка Белозоровъ (88), книги писал курченин Сидарка Иванов (146), отказные книги писал мецненин Иванкя Петришевъ (181), отказные книги писал орленин Ивашка Фндросов снь Камяняв (239), отказные книги писал волуцкой приказной избы подячеи Гаврилька Заськинъ своею*

¹См.: Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. (Фонетика и морфология). М., 1963. С. 17—27.

²См.: Котков С.И. Отказные книги // ВЯ, 1969, № 1.

³См.: Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги/Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова; Под ред. С.И. Коткова. М., 1977 (далее указываем страницы издания).

⁴ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, оп. 2 (далее указываем единицу хранения и лист рукописи).

рукою (кн. 15826, л. 10 об.), *отказные* книги писал ливенец Первилен Архиповъ сънь (кн. 14413, л. 63) и др.

В редких случаях отсутствия сведений о писце его южновеликорусское происхождение устанавливается прежде всего по отражению в текстах фонетических примет.

Именно по отражениям в письме явлений южновеликорусской фонетики впервые удалось установить то важное обстоятельство, что писцы на местах были за самыми редкими исключениями местными уроженцами. Вследствие этого открылись широкие возможности изучения локальной речевой культуры в ее былом состоянии по данным местной письменности⁵.

Для отказных текстов чрезвычайно характерны приметы местной речи, проявляющиеся в безударном вокализме и в отдельных чертах другого свойства (консонантных и морфологических), отличных от орфографического узуса деловой письменности той поры. Речь идет о явлениях аканья, взаимной мене *у* и *в*, *хв* или *х* вм. *ф*, мягкости суффиксального *к* после мягкого согласного. Совокупность примет подобного рода, даже при отсутствии прямых указаний на то, что текст написан местным уроженцем, вполне надежно документирует его южновеликорусское происхождение.

Например, прямого указания на то, что Ивашка Холевин был белгородцем в писанных им текстах нет, но отчетливо проявляются в них приметы локальной речи, которые ясно указывают на принадлежность этого писца к носителям местных говоров. Южновеликорусский колорит придают его текстам прежде всего проявления аканья: под <...> лесам (22), от лагу (там же), к старожи (там же), на Сажноу Данец (там же); у вм. *в*: с ыдовою (14), с удовою (там же), у лъсь (24); мягкость суффиксального *к*: с Промкею (14). Свидетельства письма Ивашки Холевина особенно существенны: его писцовая деятельность в Белгороде продолжается, по нашим материалам, на протяжении 23 лет (1620—1630, 1632, 1634—1643 гг.), что дает возможность проследить и орфографическую выучку писца⁶.

По отказным книгам прослеживаются сотни писцов. Некоторые из них принимали участие в составлении отказных документов в течение многих лет. Так, Ивашка Богданов оставил документы, относящиеся к 1620—1623, 1630—1643 гг.⁷, Панка Степанов писал отказы в 1625, 1627—1631 гг.⁸ и т.п.

Отказные книги состоят из многочисленных записей, по ним можно проследить, как писцы-непрофессионалы из состава местных жителей переходят иногда в рязряд дьячков или подьячих, т.е. писцов-профессионалов. Прослеживается продвижение дьячков и подьячих

⁵См.: Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии... С. 17—27; Котков С.И. Отказные книги. С. 131; Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980. С. 80—103; Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги/ Изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова, М., 1982. С. 6.

⁶См.: ЦГАДА, ф. 1209, оп. 2, кн. 15820.

⁷Там же.

⁸Там же.

по службе. Так, в белгородской отказной книге Ивашка Богданов в 1620 г. именует себя просто дьячком, а с 1634 г. — площадным дьячком, постоянно "работающим" на городской площади. В той же белгородской книге вначале в качестве писца появляется упомянутый выше Ивашка Холевин, потом в отказе, составленном им в 1625 г., он "села Сажнова николскоу диечок Ивашка Оедоров снь Холевинь (15); а в отказе 1631 г. — он уже площадной дьячок (кн. 15820, л. 315). В елецкой отказной книге рядовой местный житель Мишка Игнатьев сын становится площадным дьячком (47), в курской — Протопопов Ивашка — площадным подьячим (166). Имеются сведения о превращении в ряде случаев этой профессии в фамильную. В 40-х годах XVII в. среди новосильских писцов упоминаются Гребенкины: Мина Мартынов сын, Ермолка, Аксенка (220, 229). В других новосильских отказах встречается писцов Кузьму Савенка и Бориса Савенка — сына новосильца Прокофия Савенка: "К сѣм книгам Барис Савенак в отца своево мѣста Проковоья Саввенъка (так в ркп.!) откашика по ево велѣнью рѣку приложил" (225).

Значительное число писавших принадлежало к церковнослужителям, но не они составляли основной контингент писавших. Среди писцов-непрофессионалов, составлявших отказные документы, находим представителей различных слоев южновеликорусского населения. Они также расписывались за неграмотных, оставляя на бумаге "приложения рук". Публикация "Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги" дает о южновеликорусских писцах достаточно конкретное представление. В числе лиц, составлявших отказы, встречаем: церковных дьячков, губных дьячков, дьячка стрельцов и казаков, площадных подьячих, попов, стрельцов, казаков, детей боярских. Встретились ездки и пушкарь. Некоторые писцы не имеют характеристик по занятиям или общественному положению.

В составе лиц, оставивших приложения рук, упоминаются попы, протопопы, дьяконы, церковные дьячки, подьячие, городовые приказчики, есаулы, губные старосты, осадные головы, станичные ездки, дети боярские, посадские люди, стрелецкие сотники, казацкие сотники, воеводы, станичные атаманы, стрельцы, станичные головы, воеводы, стольники. Оставили рукоприкладства и сын отдельщика, брат городского приказчика, сын беломестного казака, князь.

Обозначения этих лиц по роду их занятий, ремеслу, сословным должностям и некоторым другим признакам показывают, что подавляющее большинство писавших принадлежало рядовому составу южновеликорусского населения.

Указанные сведения о составе писцов достаточно показательны. Они свидетельствуют о том, что южновеликорусская область располагала таким составом грамотных людей, которые в общем обеспечивали нужды письменного общения. Тексты, писанные этими людьми, пригодны для исследования языка не только приказной письменности в ее периферийном бытовании, но и южновеликорусского наречия.

Итак, принадлежность писцов к местным уроженцам в отказных текстах, приуроченных к южновеликорусской территории, докумен-

тирует ряд выразительных проявлений устной локальной речи. Записи отказных книг содержат прежде всего большой материал по безударному вокализму. Приведем примеры прямого отражения аканья.

В первом предударном слоге после твердого согласного перед слогом с ударенным *a*: саха (44), Раман (124), Раманов (там же), вада (139), Патал (251); перед слогом с ударенным *e* (ѣ): канецъ (29), памещик (43), сасед (64), дварѣ (84), гарѣ (228); перед слогом с ударенным *o*: с папом (120), с сабою (15), саборнова (15), каторая (28), калодзяя (там же), прагон (20), дарогъ (29), пакосы (83), таво (215), дваров (239), папов (266), варота (266); перед слогом с ударенным *u* (*ы*): асминаю (43), двары (81), пражитакъ (83), пачинак (120), ласиные (122), касить (154), кармить (157), Траюму (211); перед слогом с ударенным *y*: таму (16), Данцу (20), парукаю (87), потаму (там же), дваръ (218). Отметим аканье в заударных слогах: добраи (16), воронежац (72), дѣбровка (73), пасынак (84), дарогаю (92), сорац (145), арловскаи (кн. 8991, л. 1460 об.) и др. Встречаются многочисленные косвенные отражения аканья: ноказнои (10), Ловрова (там же), пахоные (10), *откозал* (там же), *похат* (10, 31), *влодет* (11), атоманоми (20), стоничнои (22), Моксимову (там же), ноказнои (23), *отказал* (23, 33), Донилова (33), стоничному (34), *влодѣт* (105), красная (235), примѣрноя (235), стоничнои (кн. 15820, л. 741), приѣхол (там же, л. 705 об.), правоя старона (кн. 10569, л. 1091 об.).

Отражения редукиции безударных гласных, не согласуемые с традиционной орфографией, в отказных текстах многочисленны, хотя среди составителей их выступают и профессиональные и непрофессиональные писцы.

Отметим случаи яканья, следов которого в отказных текстах немало. Перед слогом с ударенным *u* (*ы*): сянныя покосы (3), Мядынцев (кн. 8991, л. 1460), *осярища* (41), ряки (68), полявья (192); перед слогом с ударенным *a*: сяла (68), у мяня (15), *плямянникам* (47), сяла (73), перед слогом с ударенным *o*: вояводы (33), вояводаю (141), яво (203); перед слогом с ударенным *y*: свояму (3), на бѣрягъ (83), ряку (150, 158). В заударных позициях: Тимафеям (83), Тимафеяв (там же), четьрыста (89), Дмитреяв (132).

В отказных документах, как и в других лингвистических источниках с южновеликорусской территории, опытные писцы довольно последовательно употребляют букву ѣ в соответствии с этимологическим ѣ в положении под ударением: велѣл (9), мѣсто (там же), помѣстью (там же), двѣ (там же), ѣхав (там же), лѣс (там же), приѣхав (там же), помѣщиков (11), сѣна (58), уѣздъ (60), ѣздил (58), помѣстье (там же), приѣховъ (60), лѣс (69), мѣсто (там же), велѣл (87), тѣх (там же), сѣна (там же), лѣс (там же), ѣзил (там же), ѣздъ (там же), владѣт (там же), тѣмъ (там же), помѣстьемъ (там же), ѣдил (там же), приѣхавъ (там же), владѣль (там же), измѣрел (там же), по лѣвою (96), лѣс (там же), измѣрел (там же), мѣрным (97), помѣстье (137), ѣздъ (там же), ѣдил (там же), еѣ (138), помѣщики (155), лѣс (143), на рѣчке (там же), сѣна (там же), владѣт (там же), двѣ (там же), помѣснаи (там же), рѣчка (там же), мѣсте (там же), двѣсте (там же), помѣся (там же), сѣно (231) и др. Напротив, в безударных положениях отмечается *e*: леса

большие (19), са рекою (21), з детми (21), по обе стороны реки (21), в лесу (там же), лесокъ (38), *от* <...> леска (89), *отделил* (141) и др.

В текстах, приуроченных преимущественно к брянской территории, наблюдаем устраниение ъ. Явление такого рода С.И. Котков ставит "в связь с аналогичными фактами белорусских памятников"⁹. Характерными в этом отношении являются, например, тексты, писанные брянским площадным дьячком Сергушкой Котельником. Их автор избегает буквы ъ и в безударном положении и под ударением, допуская ее как редкое исключение. Например, в отказе, составленном в 1651 г., он вместо ожидаемого ъ (за исключением трех случаев: лѣта — 64, Алеѣѣя — там же, уѣзде — там же), пишет *е*: поместье (там же), меры (там же), вдове (там же), ее (там же), речке (там же) и др.

Многочисленная в отказных документах взаимная мена *у* и *в* служит одним из особенно выразительных свидетельств принадлежности текстов местным писцам. В белгородских текстах: *в* лес (15), *уверх* (15), *уверх* (кн. 8991, л. 1460), *в* отказе (17), *сто чети* в поли *а* *у* *двѣ* по *таму* *жа* (17), *у* *нем* (там же), *у* *приделе* (там же), с *внѣком* (45), *вдовѣ* (43), *вдова* (там же), с *удавою* (44), *вдовы* (там же), с *внѣком* (46), *унук* *Петрушка* (48), *унук* *Сенка* (49), *вдовы* (50).

В текстах, писанных брянским попом Василием: *униз* *Десною* (51), *дорожкою* *управа* *а* *з* *дорожки* *улева* *к* *дубу* (52), *от* *березы* *управа* *к* *дубу* (там же). В отказах карачевца Смирки Амбросимова: *в* *ихъ* *оклады* (116), *в* *еловой* *копач* (там же), *карачевца* *попа* *Максима*: *вдовои* *попѣ* *Маѣим* (121), *пол* *вдовои* *Маѣим* (там же), *курченина* *церковного* *дьячка* *Лучки* *Булатникова*: с *вѣстья* *вѣрх* по *Хмелѣвскому* *колодесю* (159); *удоваи* *поп* *Троѣимиша* (160); *Афоньки* *Исаева*: *вдовѣ* *Авдоти* (162); *курченина* *Ивашки* *Протопопова*: *во* *вдовы* *Проскови* (163); *новосильца* *Мартинки* *Папонова*: *у* *ево* *аклад* (226), *новосильца* *Якушки* *Михайлова*: *ево* *унуку* (234), *унучетом* *ево* (там же); *орленина* *Петрушки* *Збитого*: *у* *их* *аклады* (246); *орленина* *Федьки* *Трунова*: *удавы* *Уляны* (243), *то* *помѣстья* *удавина* (там же), *удавы* (кн. 8991, л. 1460 об.); *Степанки* *Катунина*: *вѣрхъ* *Семи* (265), *уѣрхъ* *іржавцам* по *усполю* (268), *уѣрхъ* по *рѣчки* (269), *в* *Иванова* *помѣстье* *Денисева* *ѣздил* (там же), *вѣрхъ* по *деревне* (там же) и др.

Зафиксирована замена *у* посредством *в*: *вѣрочищи* (219), *вѣрочищам* (204), *вгодѣми* (239), *всада* (251), *всадища* (272).

В отказных текстах находим многочисленные написания *х* и *хѣ* вм. *ѣ*. Писец Кондрашка Андреев из Брянска в отказе, писанном им в 1634 г., наряду с этимологически правильными написаниями буквы *ѣ* нередко заменяет ее буквой *х*: *Шахею* (56), *Шахевѣ* (там же). Ошибки в пользу живого произношения допускает и воронежец Семейка Филиппов: *Хроловы* (79). Ельченин Прохор Гранкин обыкновенно, соблюдая постановку *ѣ*, однажды все же допустил погрешность и написал: *Ехимом* (103), *Ивана* *Ехимова* (кн. 15820, л. 705 об.). Написание *х* вместо *ѣ* наблюдаем и у курченина церковного дьячка Лучки Булатникова. В отказе 1635 г. он пишет: *Хрولا* (148), *Хролов* (155), а в отказе 1638 г. находим варианты: *Михаиле* *Хавѣстовѣ* (155), *Миха-*

⁹ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII в. столетии... С. 225.

иле Хаѡстовъ (там же), но: Михаиле Мелентеѡвъ снъ Оѡѡстовъ (там же). У того же Лучки Булатникова: Трохимом, но: Троѡима (153). Различия в оформлении данного слова можно объяснить ослаблением внимания писца к общерусской орфографической норме. Меценнин Янко Алехин также допускает погрешность в сторону произношения: Хролка Данилов (186), Оедор Хроловъ (там же). Замену буквы *ѡ* буквой *х* находим и в записи новосильца Федьки Руденского: Иван Остахевъ (204), Трахима (222). В отказах Федьки Трунова: Трохимава помѣстья (240), Трохимова помѣстья (там же), в том Трохимове помѣстьи (там же), на Трохимовои помѣстьи двор (там же), Трохимава помѣстья (там же). Брянченин Кондрашка Андреев пишет вместо *ѡ* — *хв*: Ограхвеноу (48), а через шесть лет может написать правильно: Ограѡеную (59). При обычно правильных написаниях курченин Васька Аносов все же порой сбивается с них: Траѡимъ Тимохвѣевъ снъ (168), новосилец Мартинка Папонов в отказе 1649 г. вместо ожидаемого *ѡ* пишет *хв*: Сохвона (227). Об отсутствии относительно твердой орфографической выучки писца говорит и написание: Прокохѡеи (кн. 15820, л. 597 об.). Ельченин Федька Спесивцев обычно пишет правильно, а затем сбиваясь на местное произношение, выводит: Трохвим (111).

Неуверенностью в орфографии вызывалось и написание *хѡ*. Новосилец Мартинка Папонов в отказе 1649 г. пишет: охѡнасеѡское помѣстья (226), Василеи Анъчихѡоров снъ Мухортои (227). Склонен к перестраховке и воронежец сын боярский Сидор Горожанкин. В отказе, написанном в 1634 г., он пишет: Хѡатѡи Иванов (77), Хѡатѡев (кн. 10585, л. 380 об.). В отказе, писанном курченином Анисимкой Дурневым: Некраска Охѡнасеѡвъ (160).

Написания *ѡѡ* и *ѡѡ* объясняются, видимо, неуверенностью писца в том, какая из этих букв отвечает правописанию, почему "на всякий случай" писец и прибегает к обеим сразу. Отметим перестраховочное написание Сафонки Никулина из Брянска: Оновѡрѡика Ондрѡев (53). Допускает подобное написание и Кондрашка Андреев: Митрошка Юѡѡимев (56). Ельченин Потапка Сухачев оставил написание: еѡѡремѡцам детям боярскимъ (93). Напротив: во ѡткащикова мѣста в Иепиѡван[а] (221), Прокоѡеи Потапов (217).

Вполне обычны в южновеликорусских памятниках отражения произношения *ѡ* в соответствии с правильным *х*, *хв*. Эта особенность отмечалась во многих местах южновеликорусской области. В брянских текстах: Поѡиснеѡых (45), у Оощенской волость (55), в елецком: с Ыѡанам Оѡстовым (103), во мценских: по верху по Оощеватому (183), на Оощеватои верхѡ (185), Оѡмька Поѡѡмовъ (109); в курском: Омельева лѡза (173), но: на Хмельевую лѡзу (172); в чернском: Поѡѡмова (кн. 9000, л. 92), Поѡѡмов (там же, л. 93 об.).

В отказных текстах получило отражение и такое явление, как смягчение суффиксального *к* в положении после мягкого согласного. Заметим: возможности проявления его в наших текстах несколько ограничены тем, что он употребляется в составе уменьшительно-уничтожительного суф. -ка. Специфика содержания отказных книг допускает употребление в них немногих уменьшительных образований,

обычно личных собственных имен. Белгородец Васька Малышев дважды обозначил себя так: Васкя Малышев (9), Васкя Малышев (там же); белгородец Фомка Неронов пишет: с Лазаркям (21); брянской церковный дьячок Васька Леонтьев: с Миткям (41), Миткя (там же), с Ларкям (там же), тот же церковный дьячок в другом отказе пишет: с Вяскямь (там же), Васка (там же); в отказе, составленном через шесть лет, Васька Леонтьев повторяет: Митка (там же); другой брянский писец Сенька Дружинин выводит: Степанка (43), Тренка (там же); поп Василий допускает подобные написания: Кузкя (50), с Володкею (там же), с Ларкею (там же), с Кузкям (там же), дрвни Милеикява (51); брянский площадной дьячок Сергушка Котельник пишет: с Васкею да з зятем (64), с Васкею (65); воронежец Тимошка Васильев в одном лишь отказе допускает семь подобных написаний: Тренькя (72), Волоткя (там же); Льнькя (там же), Панькя (там же), Сенькя (там же), Андрюшкя (там же), воронежец Семейка Филиппов оставил написания: с Лалрькею (*так в ркп. л*) (79), с Сенкею (там же), Оеткя (84); елецкий дьячок Афонька Васильев ставит подпись: Аоонкя Василевъ снъ (86); ельченин Степанка Перцов: елченин Степанкя Перцовъ руку приложилъ (87); ельченин Мишка Игнатьев: рѣчки Сменкя (89), Аоонкя (91); в текстах елецкого площадного дьячка Мишки Игнатьева: Васкя (99), Арьсен Ескев (106), Авркеи Ескев (там же), Аоонкя (там же); Афонька Васильев оставил написания: по обе стороны рѣчки Сменькя (107), Аоонькя (там же); в текстах, писанных Фомкой Пахомовым: к Сухому Сменкю (108), от Сухога Сменка (там же); в отказе карачевского дьячка Левки Попова: Кузке (130); несколько подобных написаний находим в курских текстах: Оеткя (136), Ооонке Совелевъ (там же), Мокѣика (там же), у писца Первушки Истомина единичное: сколкя (138); в отказах курченина Сидорки Иванова: Дениса <...> Ескева (146); у церковного дьячка Лучки Булатникова: Ларьке Иванов (153); Анисимка Дурнев написал: сколке (160); в тексте Первушки Истомина: с Сенькям (164), Ооонкя (там же); в другом отказе Первушка Истомин вывел: Миленкя (165), Миленьке Иванов (167); мецненин Купря Булгаков в своих записях также оставил следы смягчения к: Пронкя (180), Харкя (там же), Ооонкя (там же), с Сенкею (там же), Сенкя (там же), Оилкя (193), Васкя (там же), Степанкя (194), Васкя (там же), Радкя (195); в отказах Иванки Петрищева: Исаикя (181), Степанкям (там же), Иванкя (там же); в отказах Василия Петрищева: с Сенкею (191); в отказе новосильца Володьки Фаустова: сколке (204); Ермолка Гребенкин писал: сколке (219), сколке (221); новосилец Мартинка Папонов: сколке (225); новосилец Якушка Иванов: сколке (234); в тексте орловского сына боярского Пётрушки Тимофеева: сколке (240, 241), в отказе Кондрашки Леонова: сколке (245); в отказе 1640 г. орленин Афонька Анпилогов означил себя так: Аоонкя Онѣилогов (253). В новосильских текстах писцом Ермолкой Гребенкиным отмечено несколько случаев уменьшительных образований из категории имен нарицательных: на рѣчку (219); в рѣчку, за рѣчку (там же), рѣчку (223), въ рѣчку, за рѣчку (там же).

Отметим и такие свидетельства, отражающие живую речь южно-великорусов, как указания на фрикативное *г*. В записях белгородца

Костьки Ортельного: с магилиш на рохъ (28); воронежцу Родьке Попову принадлежит написание: Максим Терпых (81); в тексте попа Никифора Макеева: берех рѣчки Швчюха (258); Костька Ортельный написал: Ондроса Холовина (кн. 15820, л. 705 об.).

Представленный материал показывает, что, несмотря на более или менее однородный словарь отказных актов и наличие в них заметной доли оборотов приказного языка, явления местной фонетики выступают в этих источниках довольно свободно и широко. Писцы на местах, особенно профессионалы, составляя отказные документы, несомненно ориентировались на столичные, сложившиеся в московских приказах нормы, но вместе с тем вопреки орфографии вносили в них приметы локальной речи. Тщательное исследование фонетических явлений отказных документов будет способствовать воссозданию облика народно-разговорного языка XVI—XVII вв. и его локальных разновидностей.